

Борис Вадимович Межуев – кандидат философских наук, заместитель главного редактора газеты «Известия»

Александр Иванович Неклесса – руководитель Группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия», председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, директор Центра геоэкономических исследований (Лаборатория «Север–Юг») Института Африки РАН

Сергей Феликсович Черняховский – доктор политических наук, профессор, действительный член Академии политических наук

Попытка бегства с Олимпа, или Обитаемый остров Россия Беседа в редакции

Письмо в бутылке

Александр Неклесса (далее – А.Н.): Коллеги, фильм Алексея Германа «Трудно быть богом» выходит в прокат. О нем и повести, по которой он снят, много говорят, пишут, так что имеет смысл обсудить и другие произведения братьев Стругацких, их творчество в целом, специфическую футурологию российских фантастов. Разговор предлагаю начать с определения контекста действия и провокационного вопроса: альтернативная реальность Стругацких – это про-

шлое, настоящее или будущее России да и всей человеческой цивилизации?

Борис Межуев (далее – Б.М.): Вы знаете, Александр, это очень правильный вопрос, потому что произведения Стругацких – это произведения, в которых прошлое весьма тесно переплетается с настоящим и будущим. К примеру, прошлое, которое угадывается в не менее известной и также экранизированной повести «Обитаемый остров», – это наше советское про-

шное, 60–70-е годы XX века. Настоящее — нынешнее настоящее, которое легко опознается в сюжете. И безусловно, это будущее — будущее всего человечества. Братья Стругацкие приступили к написанию «Трудно быть богом» в начале 60-х, «Острова» — в 1967-м. Отдельным изданием повесть вышла в 1971-м. И вот это время — рубеж 60–70-х годов — весьма важное. Может, это один из самых важных и травматических переломов всей истории XX столетия. Тот период, когда люди по весьма таинственной причине — и Стругацкие дают нам возможность разобраться, в чем эта причина, — вдруг перестали верить в прогресс. Это время, когда прогресс перестал быть религией миллионов.

А.Н.: Новейшая история изобилует разочарованиями. «Наше будущее тяжелее нашего прошлого и пустее настоящего» — такие умонастроения присутствовали в прошлом веке. Да и в позапрошлом тоже встречались. Хотя преобладал энтузиазм индустриальной революции, экспансии цивилизации. Однако с какого-то момента сомнения в прогрессе возрастают. Возникает жанр антиутопии. А после мировых войн вместе с недолгой эйфорией начинается ревизия человеческой и метафизической ситуации, отразившаяся в коррупции протестантской этики, переоценке коммунистического эксперимента, «теологии после Освенцима». Тем не менее при всех турбулентностях 60-е годы представляются мне островком социального оптимизма, быть может, его последней волной — десятилетием апофеоза индустриальной культуры: полет в космос Гагарина — в начале десятилетия, высадка на Луну Армстронга — в конце. Но правда и то, что замаячившие миражи имели неспокойную природу. Те же 60-е — это

не только ракеты, доставлявшие людей в космос, но и Карибский кризис, это и убийство Кеннеди, Вьетнам, китайская культурная революция, Шестидневная война, доктрина Брежнева... В 1968-м предтеча Стругацких — Иван Ефремов — публикует антиутопию «Час быка». И тогда же — после ввода войск в Чехословакию — терпит крах первая попытка Алексея Германа снять фильм «Трудно быть богом». На рубеже 60–70-х на планете совершался грандиозный социокультурный переворот, определяемый Иммануилом Валлерстайном как «мировая революция», Збигневом Бжезинским как «вступление в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории», а Рикардо Диес-Хохлайтнером как «великий перелом». Россия в ипостаси СССР, не сумев опознать масштаб перемен, прогуляла этот урок, упустив некий судьбоносный шанс. Конфликт с нетерпением истории отразился в ретроспективном меме «застой», но ощущение цивилизационного транзита у столь чутких людей, как писатели, к тому же фантасты, — то есть людей с «нелимитированным» воображением — наличествовало.

Б.М.: Мне кажется, Стругацкие даже предвосхитили этот перелом, он ощущается в повестях 60-х годов — прежде всего именно в повести «Трудно быть богом», когда разочарование в прогрессе выглядело бы абсолютным нонсенсом для большей части современников. Они это почувствовали раньше других. На эту тему есть в общем-то хорошая книжка двух советских эмигрантов Петра Вайля и Александра Гениса «60-е. Мир советского человека», посвященная перелому 60–70-х годов. Когда фантастика из научной становится преимущественно социальной, когда

Алексей Герман

интеллигенция в 70-е годы обращается к традиции, когда оказывается возможен феномен Тарковского с его внутренним разрывом с прогрессизмом, столь явственно видным в «Солярисе».

А.Н.: Факт всегда сложнее суждения. Тектоника тех лет включала контркультурную революцию и постиндустриальный переворот, формирование третьего мира и далекоидущую трансформацию суверенитетов, переход от инженерного габитуса к информационно-финансовой, цифровой культуре, от административной вертикали к сетевой организации и от линейного, или, как Вы сказали, «прогрессистского», социального горизонта — к извилистому маршруту, ведущему к дисперсному обществу. Менялась пропись миростроительства, разрушая просвещенческие каноны и марксистскую перспективу. Траектория СССР

Кадр из фильма Федора Бондарчука «Обитаемый остров»

Прошлое, которое угадывается в не менее известной и также экранизированной повести «Обитаемый остров», – это наше советское прошлое, 60–70-е годы XX века. Настоящее – нынешнее настоящее, которое легко опознается в сюжете. И безусловно, это будущее – будущее всего человечества.

– нечто иное. Изменения в Советском Союзе, отчасти откликаясь на эманации мирового переворота, выражали дух перемен в том смысле, что страна переживала «оттепель» – обновление, связанное с энергетикой XX съезда, с возможностью жить, говорить, писать, снимать кинофильмы несколько свободнее, чем до той поры. Социальный оптимизм, порой даже чрезмерный, присутствовал тогда – в 60-е. Отразился он и в программе КПСС, объявившей задачу построения коммунизма близкой к завершению, и в поднявшем образ «физика» специфическом очаровании НТР, отраженном у Стругацких в «Понедельнике». Все это влияло на настроения в лишенной многих других удовольствий стране. Вскоре, однако, ее поразил новый ступор – заработал сырьевой амортизатор, началось бронзовение 70-х, нарастал пафос борьбы с инакомыслием. 1968 год обозначил апофеоз и рубеж Модернити на Западе. На Востоке же иллюзии ностальгически

окрашенного мира «комиссаров в пыльных шлемах», позолоченного десятилетия «социализма с человеческим лицом», грезы о новой «весне народов» развеивались, замещаясь твердеющей скорлупой «реального социализма». В массовом сознании, действительно, распадалась одна из схем просвещенческого прогресса.

Сергей Черняховский (далее – С.Ч.): Я бы дал другой ответ. Во-первых, на мой взгляд, Стругацкие в основном – хотя эта точка зрения и распространена сейчас – писали не о современном им мире, а про возможные, вызревавшие тогда тенденции. Причем поливариантные. Во-вторых, вот Вы спросили: это прошлое, настоящее или будущее? Там два варианта миров: скажем так, миры утопии и миры антиутопии. Миры светлые и миры темные. И в этом отношении темные миры – это скорее наши, сегодняшние. И наше ближайшее будущее. А что касается светлых миров, хотелось бы, чтобы они были на-

шим перспективным будущим. Но здесь, как мне думается, возникает вопрос выбора. Что выберет общество и Россия? Если говорить о России, выберет ли она движение, которое так или иначе намечалось в 60-е годы, или изберет ту динамику, которую мы наблюдаем последние 20 лет? То есть в известной мере книги Стругацких и о проблеме выбора. Их темные миры: Саракш, «Град обреченный», «Улитка на склоне», планета Надежда из «Жука в муравейнике» – это миры, испугавшиеся будущего и вставшие на путь умирания, бесконечного повторения пройденного. Формула миростроительства стала меняться на Западе скорее в 70-е годы. Конец 1960-х – это как раз появление и расцвет «технооптимизма». «Технопессимизм» – это уже ближе к середине 1970-х, Тоффлер и Медоуз. Вообще если сопоставить обращение к темам и раскрытие тем будущего миростроительства в советской художественной футурологии 50–60-х годов и западной классической футурологии, можно увидеть, что наша опережала западную и по времени обращения к этим темам, и по глубине раскрытия проблем. Ефремов, Мартынов, Стругацкие и Гуревич бо-

лее глубоки и разноуровневы, нежели Кин и Винер.

Б.М.: Пожалуй, я все-таки еще скажу о том, как вижу повесть «Обитаемый остров», о которой также много спорили в связи с фильмом Федора Бондарчука. Это собственно книга о том, как 60-е годы увидели себя в 70-х. Герой повести Максим — конечно, выходец из Мира Полдня, этого своеобразного продолжения 60-х годов Советского Союза в будущее. И вот он попадает в другой мир и постепенно обнаруживает собственный мир в этой — вроде бы, радикально чуждой и непонятной ему — реальности. И мы вместе с ним видим его глазами ту же самую реальность, только уже другого времени, другой эпохи. Мир Советского Союза, но на совершенно ином — переломном — этапе в безрадостном, лишенном идеалов и будущего облики. Это СССР, потерявший будущее.

С.Ч.: Чтобы 60-е увидели себя в 70-х, нужно было бы, чтобы они их увидели, а эта книга писалась раньше. Как уже говорилось, если «Остров» и рассматривать как продолжение Советского Союза 60-х, то не в 70-е. А тогда, когда он проиграет — в варианте, если он проиграет. Это было в этом отношении предупреждением о том, что будет с СССР, если он откажется от своей борьбы.

Б.М.: На самом деле, как известно, цикл о Мира Полдня незакончен. Кстати говоря, часто в фантастике повторяется такой прием, самым известным примером которого является фильм «Планета обезьян» по мотивам Пьера Буля, когда кто-то попадает на планету и видит там совершенно другой мир, а потом понимает, что это его собственный мир. Фактически «Обитаемый остров» — незаконченное повествование о том же самом. Мы знаем, что

братья Стругацкие собирались завершить цикл романом «Белый ферзь». На планете Саракш существует Островная империя — совершенно непонятная и, в общем, не раскрытая до конца. И конец должен быть такой, что эта Островная империя и есть реальный мир, в котором возможен Мир Полдня. Только уже существующий не по принципу равенства, как в придуманной Стругацкими утопии, но по принципу жесткой сегрегации тех людей, предел которых ограничивается чувственными удовольствиями, и тех, которые занимаются творчеством.

А.Н.: Это общество будет и демократичным, и благоденствующим — в нем все будут иметь по три раба...

Б.М.: Да, да, да. Это и есть то самое общество «реального коммунизма», фантастическим отображением которого является мир, откуда приехал Максим.

С.Ч.: Я и здесь хотел бы возразить. Хотя признаю право на существование и такой точки зрения. Однако гипотеза о том, что Стругацкие пародийно описывали современный им Советский Союз, мне представляется уж очень произвольной. Ну, ничего там нет, что действительно выглядело бы как аналогия с СССР. Тем более в середине 60-х, когда до пресловутого застоя было еще далеко. Это как раз время оптимизма. Время надежды. Когда я впервые прочитал «Обитаемый остров», а прочитал я его в начале 70-х, ну, никаких мыслей у меня не было, что это про то наше время. Я видел там совсем другие проблемы. Думаю, что разные люди действительно видели разные проблемы. Но вот сравнение Страны Отцов и советского общества эпохи застоя мне кажется очень поверхностным. Потому что отсутствовали многие их тех яв-

лений, которые характерны для Страны Отцов. Скажем, анонимная власть... Это же ни в коем случае не Советский Союз. А ремарка «*эта страна была когда-то значительно обширнее*»*, но затем распалась и стала вести бои на окраинах сохраненной территории с собственными бывшими провинциями — где здесь СССР 60-х? Это прямо про сегодня. В середине 60-х — да и в 70-е — СССР если где-то и вел бои, то не оборонительные на отделившихся окраинах, а наступательные, вдали от собственной территории: во Вьетнаме, Африке, Латинской Америке. В Стране Отцов публичный компонент политической повседневности — гвардия, ведущая операции не только на границах, но и в городах, причем открыто, не стесняясь. То есть перед нами военно-полицейская диктатура. СССР времен написания повести можно считать чем угодно, но только не военной и не полицейской диктатурой. По улицам городов не только не носились армейские элитные подразделения, но и милиция, как правило, не носила оружия. Мирная страна, мирная жизнь. В общем, не был «Остров» антисоветской антиутопией. Распространявшаяся в известных обстоятельствах трактовка мира «Обитаемого острова» как злой пародии на СССР сама по себе требует особого склада ума, особого отношения к тогдашней действительности. Отношения специфического, включающего два непереносимых компонента: злобу и неприязнь к тому обществу. И еще — готовность в любом описании отрицательного начала видеть намек на отторгае-

* Здесь и далее закавыченные фразы курсивом — цитаты из произведений, авторских комментариев и воспоминаний Стругацких.

При всех турбулентностях 60-е годы представляются островком социального оптимизма, быть может, его последней волной – десятилетием апофеоза индустриальной культуры: полет в космос Гагарина – в начале десятилетия, высадка на Луну Армстронга – в конце. Но правда и то, что замаячившие миражи имели беспокойную природу.

мую действительность. То есть это тип сознания, предрасположенный в той современности видеть темные пятна и при этом быть уверенным, что остальные тоже разделяют эту неприязнь к советской действительности, это замаскированное издевательство над ней. Это как раз те, которые сущностно не принимают будущее, если оно связано с напряжением и созиданием. Как раз такая категория людей показана Стругацкими в «Хищных вещах века» – стремящихся жить без движения, в покое и наслаждении. Забылся в электронно-наркотическом сне – и никакого будущего не нужно. А само оно не приходит, будущее нужно создавать. Поэтому-то, мне кажется, что Стругацкие задают определенную развилку: что будет, если общество не пойдет вперед.

А.Н.: По-моему, у Стругацких

была особая зоркость, необычное чутье или, если не будет звучать слишком пафосно, странный дар ясновидения. Достаточно вспомнить аллюзии, возникавшие постфактум при сравнении повести «Пикник на обочине» либо фильма «Сталкер» с темами, образами чернобыльской катастрофы. Подобные соответствия можно найти и в других произведениях братьев. Парадоксальна роль цензуры, сыгравшей в данном случае отчасти позитивную роль. Цензура принуждала активировать потенции эзопова языка, расшивая одномерность политологических схем. Список замечаний к первоначальной редакции «Обитаемого острова», сделанный Главлитом, издательством и редакциями – по свидетельству Бориса Стругацкого, авторами было внесено 980 изменений, – включал такие позиции, как

«подчеркнуть наличие социального неравенства в Стране Отцов», «затуманить социальное устройство» и даже «чем меньше аналогий с СССР, тем лучше». Социальный строй на Саракше, становясь невнятным, обретал многозначность. Мне кажется, этим была оказана определенная услуга Стругацким. Недаром, когда появилась возможность опубликовать бесцензурное издание, некоторые внесенные в текст изменения остались. Сказанное не означает, что я сторонник цензуры, просто так уж легли карты. В итоге повесть, синтезировав черты антисоветской антиутопии и карикатурно-мрачного капиталистического строя с элементами фашизации – своего рода «Железной пяты», оказалась «письмом в бутылке», брошенным в будущее. Тут мне вспоминается прозорливое замечание Льва Троцкого, размышлявшего над вероятностью «возникновения нового эксплуататорского класса из бонапартистской и фашистской бюрократии». Мысль была высказана им в одной из последних работ: «СССР минус социальные ос-

новы, заложенные Октябрьской революцией, это и будет фашистский режим». Именно эклектика, коктейль из антисоветской и антикапиталистической критики в одном флаконе с привкусом, как выразился в одной из своих последних энциклик папа Франциск I, «новой тирании, невидимой и зачастую виртуальной», предопределили актуальность текста Стругацких в наши дни. В этом смысле здесь действительно были заложены элементы «политологии будущего».

Политология будущего

А.Н.: Коллеги, помните знаменитую работу Вадима Цымбурского «Остров Россия»? Понимание Московского государства как острова спасения восходит едва ли не ко временам падения Византии — точнее, к концу XV — началу XVI веков. Именно тогда формируется самоощущение народа как особой общности. Образ острова — отчего дома, погруженного в необъятный океан, — появляется в заключительных кадрах «Соляриса» Андрея Тарковского. «Остров» — название вызвавшего широкий резонанс фильма Павла Лунгина. По мотивам повести Стругацких «Обитаемый остров» была снята картина Федором Бондарчуком. Своеобразие российского «острова» не только в чувстве исключительности и географической фронтальности, но также в повторяющейся утрате политического баланса, выпадении обитателей в безвременье, неудачах реформ и революций по знаменитому рецепту Виктора Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». И как следствие — накопление огрехов, сменявшееся новыми усилиями по перемене участи. У Стругацких был выраженный интерес к проблематике про-

Иван Ефремов:

«Мы можем видеть, что с древних времен нравственность и честь (в русском понимании этих слов) много существеннее, чем шпаги, стрелы и слоны, танки и пикирующие бомбардировщики. Все разрушения империй, государств и других политических организаций происходят через утерю нравственности. Это является единственной причиной катастроф во всей истории, и поэтому, исследуя причины почти всех катаклизмов, мы можем сказать, что разрушение носит характер саморазрушения. Когда для всех людей честная и напряженная работа станет непривычной, какое будущее может ожидать человечество? Кто сможет кормить, одевать, исцелять и перевозить людей? Бесчестные, каковыми они являются в настоящее время, как они смогут проводить научные и медицинские исследования? Поколения, привыкшие к честному образу жизни, должны вымереть в течение последующих 20 лет, а затем произойдет величайшая катастрофа в истории в виде широко распространяемой технической монокультуры, основы которой сейчас упорно внедряются во всех странах».

гресса и коллизиям прогрессорства. Но как реализовать «попытку бегства» из исторического лабиринта, приводящего к повторным инкарнациям Минотавра? Каким образом вырваться из социальной тины, обращающей жителей страны в грязь под ногами очередной обоймы «элиты»? Братья демонстрируют несколько моделей поведения в «мире неприятных лиц»: человек, который наблюдает, — дон Румата, человек, который следует эволюционным путем, — Странник, человек, который действует революционно, — Максим. Есть у Стругацких еще одна модель — Саул с его «попыткой к бегству» — экзотичной версией эмиграции и персонального «выпадения из истории» по лекалам русской традиции «лишних людей». Возможно, политология Стругацких в значительной мере остается размышлениями о будущем. И речь идет не только о России, но о всем человеческом космосе, демонстрирующем свою изнанку — «массараки». Спе-

цифика этой своеобразной политологии не в выявлении различий прошлого, настоящего, будущего, но в их горизонтальном экзистенциальном столкновении, когда распадается связь времен. История растворяется в нечестивом смешении — калейдоскопе культур и веков, смешении и смущении прежней логики перемен. Или, по выражению Ивана Ефремова, «взрыве безнравственности», за которым последует «величайшая катастрофа в истории». Так что образы внеземных миров могут оказаться эскизами наиболее мрачных прогнозов земной футурологии. Таких, как единение государственной и мафиозной власти, сливающейся с безликостью спецслужб. Либо расползание мирового андеграунда, его выход на поверхность в нечестивом конкубинате с «большим социумом». Умножение территорий смерти с их перманентными кровавыми конфликтами. Разрастание амбициозных сообществ, действующих поверх стран и народов. Объединение

На рубеже 60–70-х годов на планете совершался грандиозный социокультурный переворот, определяемый как «мировая революция», «вступление в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории», «великий перелом». Стругацкие (на фото) даже предвосхитили этот перелом, он ощущается в повестях 60-х годов – прежде всего именно в повести «Трудно быть богом», когда разочарование в прогрессе выглядело бы абсолютным нонсенсом для большей части современников.

мейнстрима и маргиналов, элиты и люмпенов, гламура и помойки. В общем, разнообразных версий крушения цивилизации, культурного коллапса, аномии, неоархаизации и антропологической катастрофы.

С.Ч.: Конечно. И мне хотелось бы отметить, что повесть и вообще творчество Стругацких – это непосредственно не про Россию как таковую. Все-таки дело в том, что именно означало то, что мы сейчас называем «Россия» для людей 50–60-х годов: это было пространство рывка в будущее, глобального эксперимента. Поэтому судьба России для них – судьба прорыва. И соответственно – судьба мира. Стругацких волнует и то и другое. Я согласен с последним Вашим замечанием, что это еще не сегодняш-

ний день, нет еще анонимной власти – хотя намеки есть. Но, возможно, это то, что еще предстоит.

А.Н.: И про Россию, и не про Россию. Вот свидетельство Бориса Стругацкого об истоках повести «Трудно быть богом», которую изначально планировалось написать как текст *«веселый, чисто приключенческий, мушкетерский»*. Вместо этого *«“Трудно быть богом” мы писали в великой злобе – сразу после встречи Хрущева с художниками в Манеже. Тут мы впервые поняли, что нами правят враги культуры, враги всего того, что мы любим. И мы получали злое, дикое наслаждение, описывая государство Арканар – с таким же точно хамским правительством и с такими же рабскими, льстивыми подданны-*

ми». В общем, *«время “шаг и кардиналов”, видимо, закончилось. А может быть, просто еще не наступило. Мушкетерский роман должен был, обязан был стать романом о судьбе интеллигенции, погруженной в сумерки Средневековья»*. Да и реакция на фильмы по мотивам Стругацких связана не только с их художественными качествами, но с очевидными политическими аллюзиями. Любопытно, как будет воспринят в этом смысле фильм Алексея Германа? Не исключено, фантастическое арканарское прошлое окажется на шаг ближе к настоящему будущему, ведь по словам режиссера: *«“Трудно быть богом” – отчет о том, как я вместе со всеми проживал эти десять лет, как мы сами позвали серых и как они превратились в черных»*... Или можно вспомнить Федора Бондарчука, режиссера «Обитаемого острова», в ходе пресс-конференции на вопрос «Что Вы ассоциируете с этими башнями у нас в стране?» ответившего: *«Да мы катимся в ж... Газет нет, радио нет. Есть только Интернет. Вот когда был Ельцин, то люди бежали смотреть телевизор с реальными и откровенными передачами. А сейчас заголовки газет начали напоминать времена с пропагандой. Альтернатив не видно – это пугает. Я могу долго говорить, но потом у меня будут проблемы»*. Однако как в любом сновидении или «одержании», в книгах Стругацких ощутимы прорехи памяти: отсутствие полноты «будущего прошлого», дефицит ретроспективной рефлексии, в том числе о России, при обилии в текстах русских имен. Уклончивость, сопряженная с многочисленными белыми – или темными – пятнами в канве хроник: *«У нас история такая, потому что мы плачем о своем прошлом. Мы не можем его изменить и стремимся хотя бы помочь дру-*

гим, раз уж не сумели в свое время помочь себе», — словно шеплет мыслей Ивана Ефремова об опасностях иницирующего погружения в наследие мертвых цивилизаций, чему писатель собирался посвятить, но не успел, роман «Чаша отравы».

С.Ч.: Борис Стругацкий в своих интервью и комментариях 2000-х, действительно, пишет, что выступление Хрущева а Манеже повлияло на изначальный замысел, повернув его в сторону осмысления взаимоотношений культуры и власти, но он же и отмечает, что потом под влиянием Ефремова они отошли от примитивного понимания этой темы и произведение стало более глубоким и многоплановым. Главное в нем — это именно вопрос об ответственности, о соотношении этики и целесообразности, о том, что есть ситуации, когда вмешательство бессмысленно, но невмешательство непростительно.

А.Н.: Да, пожалуй что и отразилось в их следующем произведении — повести «Обитаемый остров». Новый же век высветил запечатленные в творениях Стругацких черты власти, лишь отчасти совпадающей с той, которая существовала в СССР почти полвека назад. В Стране Отцов, пережившей катаклизм, я бы отметил не только анонимность, но и другие особенности организмы правления, правил ротации ее лидеров: неопределенность статуса, высокий уровень дискрециональности, несовпадение публичной и реальной иерархий. Формальная должность и положение во власти — не одно и то же в политическом ребусе «неизвестных отцов». Во внутреннем круге власти действуют регламенты «по понятиям». Шутковские имена-прозвища — своего рода звания: Папа, Тесть, Свекор, Шурин, Ум-

ник и т.д. Включая, между прочим, и Странника. Иными словами эти оболочки — суть ячейки, которые занимают сменяющиеся либо сменяемые персонажи, живущие параллельно в других обликах и должностях и образующие клан, освобожденный от закона и отлученный от морали.

Б.М.: Принцип мафии просто. **А.Н.:** Почти, но с модификациями, причем не просто с анонимностью или своеобразной легитимностью, но с разведением публичной сценарии с чисто конкретным руководством. Вспоминается фраза, сказанная главным обвинителем от СССР на Нюрнбергском процессе Руденко: «Преступники, завладевшие целым государством и самое государство сделавшие орудием своих преступлений». Итог демонстрирует весьма специфичную типологию госуправления: комбинаторику практикаблей политического мейнстрима с механикой тайной власти. Иначе говоря, представлена ситуация тотального извращения прежней политкультуры — как патриархальной организации правления, так и рациональной бюрократии. Произошло ее замещение после катастрофы, придавившей население Страны Отцов. Но не маргинальной по своей сути — пусть и изошренной — уголовщиной, а скорее смесью аморального корпоративного менеджмента с неограниченной законом практикой секретных сообществ. Трансформация, в предельной полноте отраженная на страницах комиксов и фильмов категории «В».

Б.М.: Конечно, существуют очевидные параллели Страны Отцов с постимперской ситуацией, в частности, с нашей нынешней тоже. Действительно, много схожих ситуаций, включая какие-то отделившиеся от империи территории, с которыми Страна

Отцов периодически ведет войну. Но мне кажется, произведения Стругацких во многом являются и мощным самосбывающимся пророчеством. Пророчеством, которое сбывается в значительной степени благодаря самому пророчеству. Стругацкие находятся у истоков весьма специфического реформаторского типа сознания. Они сделали возможным восприятие реформатором себя как представителя иной — внешней по отношению к тому месту, которое реформируют, — силы. В качестве чужестранцев для той страны, которую взяли реформировать. Это сознание возникло в их произведениях, когда, наверное, у рядовых советских интеллигентов вряд ли было восприятие, условно говоря, Америки как какого-то внешнего контура для проведения реформ. Я прочел весь цикл Стругацких в 1994 году. Кое-что я и раньше читал, но в 94-м прочитал системно и ощутил это неожиданное сближение текста с нынешней ситуацией. Не только обнаруживая сходство Страны Отцов и России того времени, но с удивлением обнаруживая себя и свою страну в новой ситуации, когда мы можем посмотреть на себя извне. Ведь это и есть главный меседж фантастов, который они пытались донести до читателя: «Поглядите на коммунизм, на Землю, на Советский Союз извне». То есть в тот момент, когда читатели, цензоры и все остальные еще рассуждали, а стоит ли Советскому Союзу экспансировать коммунизм в другие страны, Стругацкие впервые задались вопросом: можно ли рассмотреть себя не в качестве субъекта экспансии, а в качестве ее объекта, в качестве реципиента каких-то чужих внешних «благодеяний»?

А.Н.: А может, пиджачок был узковат?

Б.М.: Чей?

Социальный оптимизм, порой даже чрезмерный, присутствовал в 60-е. Отразился он и в программе КПСС, объявившей задачу построения коммунизма близкой к завершению, и в поднявшем образ «физика» специфическом очаровании НТР, отраженном у Стругацких в «Понедельнике». Все это влияло на настроения в лишенной многих других удовольствий стране.

А.Н.: Скорее какой — меры дозволенности, цензурной допустимости конструкции, которую Стругацкие могли вы-

страивать в виде Мира Полдня. Они ведь представляли в произведениях, особенно ранней поры, версию — наряду с

ефремовской — коммунистического общества, что было на тот момент востребовано в связи с публикацией программы его построения. Но даже в художественных проекциях идеи братья видели массу острых углов. И если бы на поверхность выводились скрываемые или, во всяком случае, неприятные для властей проблемы — что Стругацкие частично и делали, но именно частично, до какой-то границы, — то возможность представлять подобные размышления публично серьезно бы сократилась. Писатели нашли остроумный выход, перенеся казусы социального строительства в дальний космос, тем более что космонавтика стала на время советским брендом. В психологии нечто схожее называется эскапизмом. Так родился интересный эксперимент: каждый из описанных миров-планет превратился в лабораторию некоей проблемы. Собственно транзит из обычных условий в иные — это и есть фантастика. В итоге возник реестр моделей поведения, методов соцстроительства, политических концептов, рельефных конструкций, более или менее свободных от внимания саурунова ока. Они же прописывались не в СССР и даже не на Земле. Игра воображения — то есть фантазия — позволяет выстраивать произвольные ситуации, писать неординарные сценарии. Сегодня кое-что из этого хозяйства включено в инструментарий практической прогностики — к примеру, форсайта. И если у истории нет альтернативного прошлого, то у будущего — сплошные альтернативы. Крах СССР связан, в числе прочего, с запретом на обсуждение альтернатив, с табуированием серьезных дискуссий о грядущем. План официального будущего при всей его очевидной нелепости обсуждению не подле-

жал, тем более критическому. В результате, если воспользоваться метким выражением Вепря, страна «выпала из истории». Но оставалась лазейка... Писатели использовали ее, совершив собственную «попытку к бегству» из лагеря реального социализма, подобно Саулу, бежавшему из ГУЛАГа, — так было в первой, не прошедшей цензуру, версии повести: сначала в мир оптимистических утопий и героических приключений, затем в ситуацию «немой борьбы» — неудобных размышлений о будущем страны и опознания ее настоящего статуса.

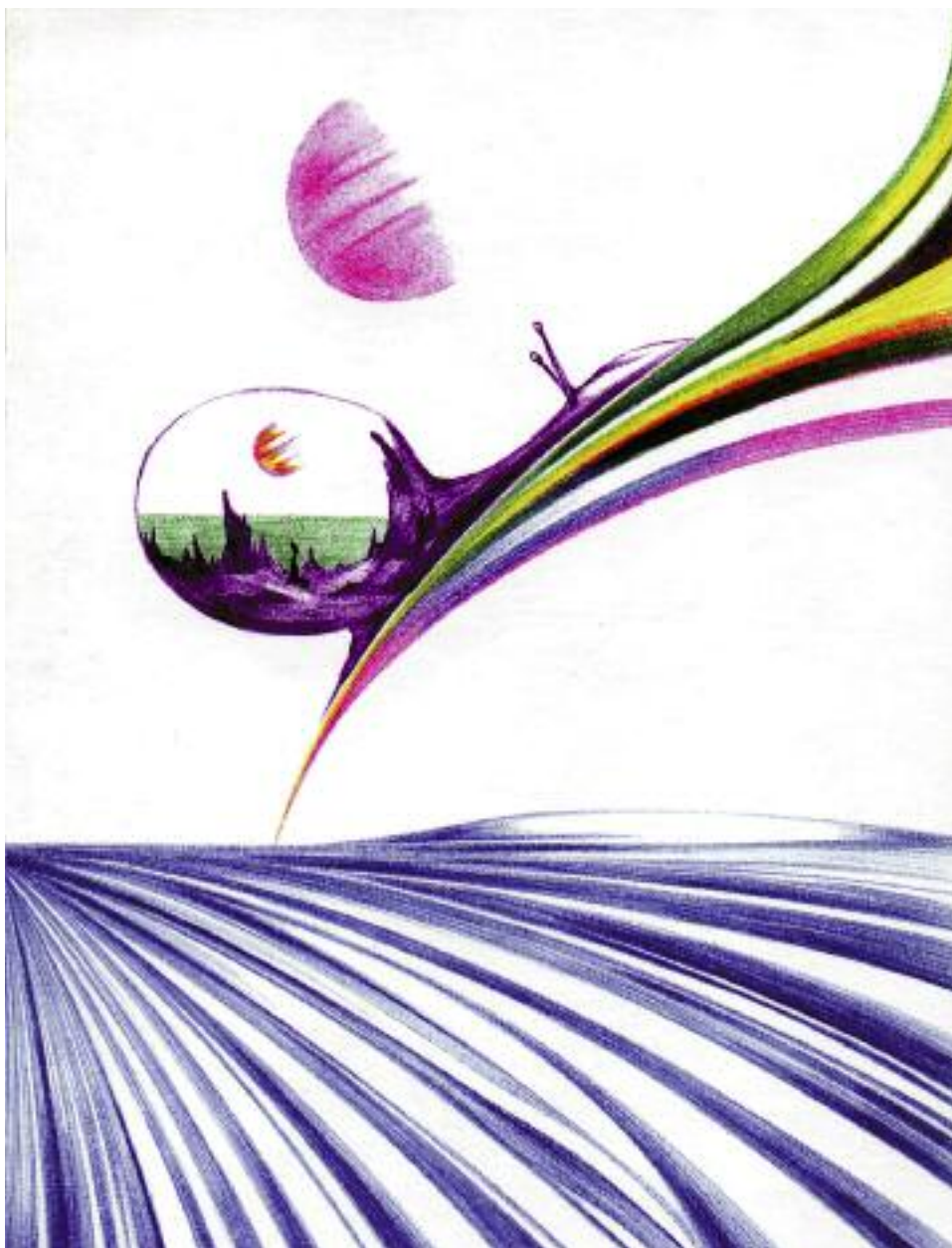
С.Ч.: Прежде всего некорректно говорить о крахе СССР. «Краш» — это когда стоял — и сам по себе рухнул. Или рассыпался, не выдержав напряжения. Сейчас опубликованы многие свидетельства западных экспертов. Изумленных даже не внезапностью капитуляции СССР — а ее необоснованностью. Есть множество исследований, показывающих, что проблемы экономики Советского Союза в середине 1980-х были менее опасны для него, чем проблемы экономики Соединенных Штатов для них самих, и не создавали угрозы системной безопасности для страны. Теперь что касается запрета на обсуждение альтернатив. Как раз художественная советская футурология таким обсуждением и занималась. Да и не только она. Но когда вместо интеллектуального осмысления обсуждение было перенесено в плоскость публично-политических спекуляций, ценностным стержнем страны и был нанесен страшный удар. Есть базовые ценности любого социума, которые не подлежат никаким дискуссиям. Недопустимо, например, для христианского общества обсуждение вопроса о том, был ли Христос близок с Марией Магдалиной.

Б.М.: Конечно, Стругацкие сильны своим открытым финалом. В тех повестях, где он имеется, а он имеется не везде. Но в финалах «Трудно быть богом» и «Острова» вопрос в самом деле стоит ребром: мы выступаем за немедленное разрушение тирании — либо мы выступаем за медленное, вдумчивое, постепенное ее реформирование? Мы как раз понимаем тот контекст, в который попало это произведение в ситуации возникшего диссидентского движения.

А.Н.: Что ж, Стругацкие интересны во многом именно из-за политических и социальных аллюзий, а не фантастикой ради фантастики, «которую АБС терпеть не могли». Те же произведения братьев, в которых прогностическая диалектика Мира Полдня отсутствует, уходят в прошлое. И не только, к примеру, проходной «Отель “У погибшего альпиниста”», но и популярнейшая в свое время повесть «Понедельник начинается в субботу». Читатели — диссиденты и не диссиденты — размышляли над предъявленными Стругацкими моделями поведения при конфликте с социальной реальностью и политическим строем. Румата ведь не прогрессор, а наблюдатель. Лишенный возможности действовать, однако размышляющий: почему, собственно, он «дезактивирован» и правильна ли такая политика? Но когда Антон переходит от «сглаживания углов» к прямому действию, это не следствие обдуманного решения — просто, как и Гамлета, его подстегнули навалившиеся обстоятельства. Или конфликт Странника с юным землянином Максимом. Прогрессор реализует долговременный эволюционный проект развития Страны Отцов. Но тем временем население претерпевает деградацию, духовную гибель под «излучателями». И про-

тивоположная позиция Максима Каммерера — что, возможно, лет через пятьдесят Сикорски — он долгожитель — сможет решить проблемы с инфляцией и прочими неурядицами, но вот для кого их решит? Люди в этом неочевидном аду погребены под будущим, горизонт которого смят. Количество утративших разум от «лучевого окормления» — тоски по истине, скажем так, — будет возрастать от уже достигнутых 20 процентов, число же «выродков» станет сокращаться. В результате общество, может, и выживет, но человек — сгинет. И когда инфляция станет нулевой, отключив излучатели, Странник может столкнуться со 100 процентами оскотинившихся, обезумевших — «лучевое голодание»! — или просто угасших людей.

С.Ч.: Всё же Стругацкие начинают как безусловные романтики и социальные оптимисты. Повесть «Страна багровых туч» вышла в 1959 году и описывает утро победившего коммунизма. Затем следуют «Путь на Амальтею», «Стажеры» — и все это про альтернативные 90-е годы XX века. Но уже здесь писатели натываются — в «Стажерах» — на ряд проблем, связанных с неоднозначностью развития, с тем, что наряду с людьми будущего будут сосуществовать люди и архетипы прошлого. В «Полдне» Стругацкие делают рывок, перенося своих героев из противоречивого ближайшего будущего в будущее далекое и развитое. И художественно выстраивают его в виде полной, едва ли не структурной аналогии программы КПСС. Они рисуют светлый мир совершенства, но затем — погружаются в детали... И оказывается, что здесь шаг за шагом обнаруживаются проблемы: «Далекая Радуга» — в отношениях с природой и отчасти с людьми,

Стругацкие в основном – хотя эта точка зрения и распространена сейчас – писали не о современном им мире, а про возможные, вызревавшие тогда тенденции. В известной мере книги Стругацких о проблеме выбора. Их темные миры: Саракш, «Град обреченный», «Улитка на склоне», планета Надежда из «Жука в муравейнике» – это миры, испугавшиеся будущего и вставшие на путь умирания, бесконечного повторения пройденного.

«Трудно быть богом» – встреча с иными мирами и вопрос, что делать, если те оказываются на века отставшими от земного человечества. Возникает дилемма: прогресс ускорять вроде бы надо, но как его ускорить, чтобы не разрушать, а создавать? Или посланник великой цивилизации видит, что

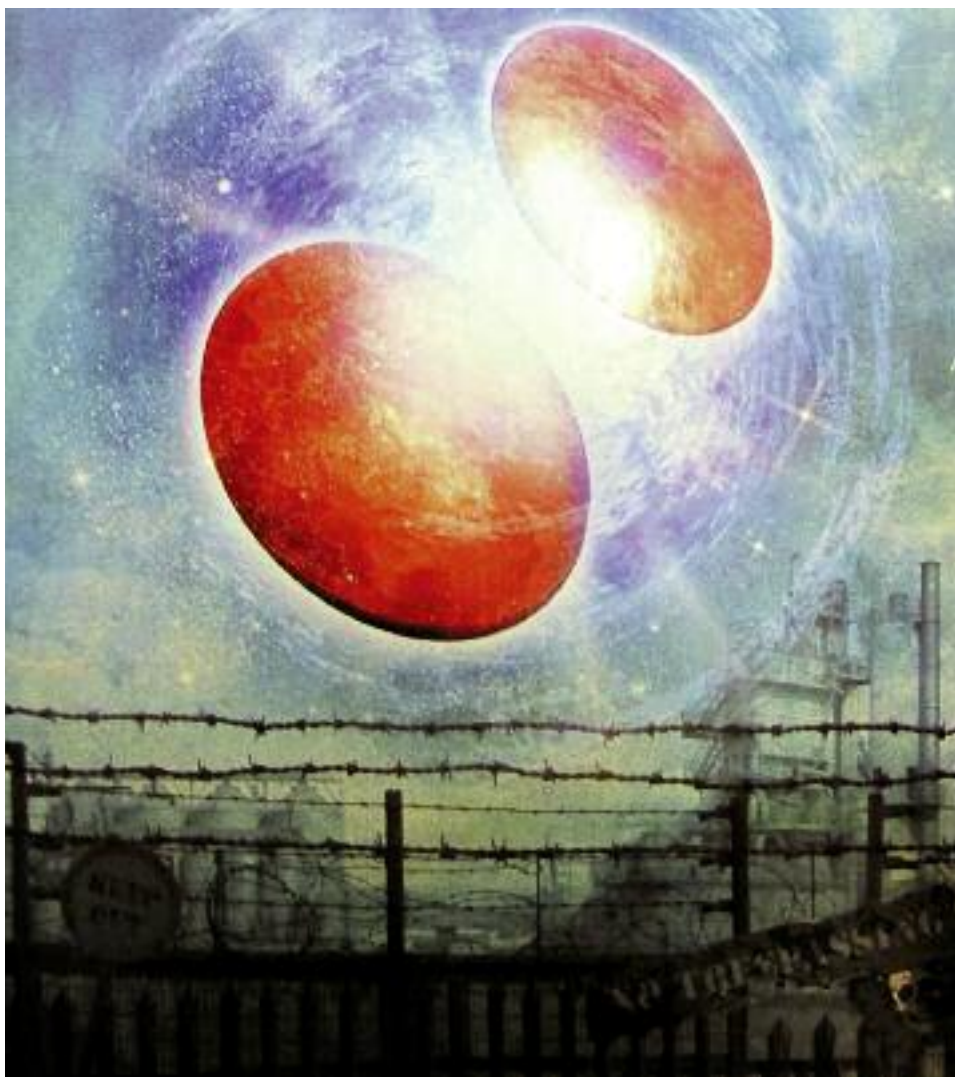
в стране вызревает фашистский мятеж, взывает к Центру и коллегам: опасность, пора вмешаться, а в ответ: *«Все нормально. Обычные процессы очищения»*. Это же чуть ли не в чистом виде описание, к примеру, ситуации в Венгрии в 1956 году. Вырисовывается новый уровень проблемы: вот

достигли почти всемогущества, а как быть с остальными? Оставить в нынешнем положении – сердце болит, вперед тащить – неизвестно как. Проблемы переносятся в будущее: построим коммунизм, выйдем в космос... и увидим себя в своем вчерашнем обличье. Что делать? «Хищные вещи века» – это о том, готовы ли мы идти в будущее и что мешает движению. А следом обнаруживаются проблемы уже в самом Мире Полдня: «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер». И возникает вопрос: так идти или нет? И в «темных романах» авторы показывают, что будет, если испугаться: мир без движения – мир загнивания. А если, как случилось после прежних революций, – не «на Венеру», а «в Термидор»? Если победит не то, что ведет вперед, а что не желает развития? Если победят «хищные вещи века»? Тогда реализуются Мир Отцов и другие миры, описанные Стругацкими в антиутопиях-предупреждениях. Миры, не прорвавшиеся к Полдню. Или не пошедшие к нему. Если двигаться не вверх, а вбок, происходит движение по кругу – раз за разом, цикл за циклом. И те, которые страшатся восхождения и созидания, которые разрушают без созидания и свергают без утверждения, обречены на проклятье. Они «отягощены злом». Они будут повторять совершенные ошибки и не способны сделать выводы из них. «Град обреченный» – это мир, который развивается *«не вверх, а вбок»*. Мир между обрывом и скалой. И когда вместо того чтобы при возникшем шансе устремиться вверх, он пытается удержать прошлое, герои убеждаются: их история – движение без развития. И оказываются отброшенными к началу своей жизни, чтобы вновь попытаться что-либо изменить в новом цикле. Достоин-

ство же «Обитаемого острова» в том, что действие отнесено в мир, близкий по внешним чертам не 60-м или более ранним годам, а сегодняшнему дню. Это позволило оторваться от банальной аналогии с брежневским СССР. И намекнуть, что Стругацкие угадали черты того, что может прийти на смену современному им обществу, если оно свернет со своего пути.

Катакомбы Мира Полдня

А.Н.: Что если попытаться пристальнее приглядеться к внутренней механике Мира Полдня? Художественный текст допускает различные подходы к анализу. Можно исходить из прочтения, которое предлагается замыслом авторов. А можно рассматривать текст как автономное произведение, полагая, что сознание является своеобразным творческим транслятором, инструментом со-творения опуса наряду с культурным стилем, идейной матрицей эпохи. Можем нырнуть глубже — разбирая не только контекст, но и подтекст творения, имеющий самостоятельную картографию и ценность. Или прибегнуть к герменевтическим толкованиям. У талантливого произведения множество интеллектуальных и культурных обертонов. Плоть Мира Полдня в чем-то сопоставима с двусмысленным бытием призраков Соляриса. Фантасты Стругацкие — обитатели своего времени, свидетели его горизонтов. Очевидцы, которые посредством иносказаний и проговорок выражали подчас больше, нежели можно было достичь иным образом. Полнота текста меряется суммой пережитых, преодоленных, однако не всегда осмысленных терзаний. Бог не пишет черновиков, но исцеляет. Логический сумбур и разногласия

У Стругацких была особая зоркость, необычное чутье или, если не будет звучать слишком пафосно, странный дар ясновидения. Достаточно вспомнить аллюзии, возникавшие постфактум при сравнении повести «Пикник на обочине» либо фильма «Сталкер» с темами, образами чернобыльской катастрофы. Подобные соответствия можно найти и в других произведениях братьев.

фрагментов, хронологические провалы, несоответствия оказываются следствием визионерской природы возводимых конструкций. И по мере обветшания парадного фасада несовпадения, искажения, даже ляпы становятся стрелками компаса — инструментами отыскания подлинности, дорожку к которой преграждают заслоны многочисленных декораций. То, что не имеет названия, проще отринуть, назвать видением. Однако удержав открывшийся смысл, мы,

просыпаясь и взрослея, обретаем шанс лицезреть отчасти познанную реальность. Профессиональная инфраструктура размышлений Стругацких — «карты ада», следуя определению фантастики Кингсли Эмисом, то есть в данном случае разглядывание — не прямо, а посредством искривленного зеркала — неприглядных аспектов бытия. Проблематика, волнующая Стругацких, своего рода движитель их творчества — власть и ее проекции. Причем власть

В итоге повесть, синтезировав черты антисоветской антиутопии и карикатурно-мрачного капиталистического строя с элементами фашизации – своего рода «Железной пяты», оказалась «письмом в бутылке», брошенным в будущее. Лев Троцкий (на фото), размышлявший над вероятностью «возникновения нового эксплуататорского класса из бонапартистской и фашистской бюрократии», однажды прозорливо заметил: «СССР минус социальные основы, заложенные Октябрьской революцией, это и будет фашистский режим».

не всякая, а невнятная до анонимности, чужая, парадоксальная, бесчеловечная, нечеловеческая. Сочетание предчувствия трансформаций с сопутствующим им изменением естества. До озверения. Отсюда повторяющиеся столкновения с различными обликами «мерзейшей мощи» или «могущественной инакости». И сопряженная проблема разрешения особых обстоятельств: могут ли перемены прийти, как *deus ex machina*, извне? Если да, то как к этому относиться? Особенно при неясной природе субъекта перемен.

Б.М.: Я бы задал вот какой вопрос: а каковы цели Странника? Насколько можем мы знать об этом, а уж тем более в какой мере могут знать жи-

тели Страны Отцов? Насколько его цели благородны? Ведь это тот самый вопрос, который Странник задает в «Жуке в муравейнике»: а как другие – более развитые – цивилизации воздействуют на Землю? Почему мы уверены в доброжелательности Странника и почему должны ему верить? Почему должны верить, что его политика по отношению к планете, которая досталась ему в пользование, проникнута заботой о ее жителях? Тем более что даже если поверить, издержки его деятельности, действительно, очень и очень значительны.

А.Н.: Экселенц не рядовой прогрессор, он – *«человек многоопытный да и отсутствием воображения не страдал»*. Его

фигура многогранна и может быть прочитана различным образом в зависимости от избранных ценностных оснований и стратегий рассуждения, тем более что Сикорски действует не только во внешнем космосе, но является непосредственной фигурой и в архитектонике земной цивилизации. Если следовать хронологии мира Стругацких, еще до миссии на Саракше Рудольф Сикорски является одним из наиболее влиятельных людей на своей планете – облеченным властью *«пастухом бытия»*, – будучи одновременно членом Мирового Совета и шефом КОМКОНа-2, то есть он не только прогрессор, но еще политик и контрразведчик. Что делает его миссию более загадочной, нежели осознавалось

авторами. Симптоматично, что Совет галактической безопасности объявляет после известных событий Страну Отцов зоной своего протектората. Двусмысленность данной фигуры – *«прогрессор – прежде всего мастер лжи»* – обнаруживается в ассоциациях, абберациях, возникающих, в частности, из-за совпадения псевдонима «Странник» с именованием кочующего племени нечеловеческой сверхцивилизации, также отмеченной склонностью к вмешательству извне. А еще – усилена параллелью между одним из прозвищ ставшего со временем ведущим спецслужбистом КОМКОНа-2 Максима Каммерера – «Биг-Баг», или «Большой жук», и главным источником страхов *«комиссии по контролю научных достижений»*, или *«тайной полиции»*, – концепцией *«жука в муравейнике»*, или – в интерпретации Сикорски – *«хорька в курятнике»*.

С.Ч.: Дело не в двусмысленности фигуры прогрессора, дело в трагичности этой фигуры. Борис Стругацкий писал, что прогрессор – это прежде всего человек с обостренным нравственным чувством: он понимает, что шансов решить проблемы отсталого общества и ускорить прогресс почти нет. Но он не может находиться в бездействии, когда видит, что где-то страдают люди, а у него есть силы и возможности для действия. И при этом знает, что действовать в страдающем мире ему придется методами именно этого мира – от которого он хочет этот самый мир избавить.

А.Н.: В трагичности, да... Подсознание писателей наделяет образ руководителя службы безопасности Земли, куратора наиболее секретных проектов, *«прошедшего через сумерки морали»*, флером амбивалентности, создавая персонаж, *«запуганный и сам всех запугавший»*,

Кадр из фильма Андрея Тарковского «Солярис»

но объединивший при этом неясные страхи с прагматикой действия — «синдром Сикорски», — активно воплощающий собственные кошмары. Пропитываясь ими, Экселенц — принадлежащий к касте «лиц с наивысшим уровнем социальной ответственности» — приходит к мысли о необходимости и оправданности практически любых крайних мер в качестве превентивных акций. Вспомним «доктрину нанесения первого удара». В общем, «всякое общество, создавшее внутри себя тайную полицию, неизбежно будет убивать (время от времени) ни в чем не повинных своих граждан». Так обнаруживаются ранее скрытые от читателя аспекты мира XXII века, определяемого уже как «дикий мир», где проводятся «строго засекреченные маневры» и «операции (спецслужб), о которых знали буквально единицы», а «миллионы людей, принимавших <...> участие, даже не подозревали об этом». Следствие подобных откровений — крах благостного образа Мира Полдня, приоткрывающий его изнанку: тот же знакомый и лукавый «массаракиш». Свои «тараканы» и свои «отцы» обнаружались уже на Земле. В результате история, изложенная Стругацкими в ее официальной

Образ острова — отчего дома, погруженного в необъятный океан, — появляется в заключительных кадрах «Соляриса» Андрея Тарковского. «Остров» — название вызвавшего широкий резонанс фильма Павла Лунгина. По мотивам повести Стругацких «Обитаемый остров» была снята картина Федором Бондарчуком. Своеобразие российского «острова» не только в чувстве исключительности и географической фронтирности, но также в повторяющейся утрате политического баланса, выпадении обитателей в безвременье, неудачах реформ и революций по знаменитому рецепту Виктора Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

версии, может быть перечитана под другим углом зрения, наполняясь иными смыслами. К примеру, алогичность событий, то и дело возникающая в произведениях, может быть объяснена действиями «жуков» и «странников» некоего КОМКОНа-икс, в котором проросли посеянные безблагодатной паранойей побего. И осуществляющего операции по искоренению «запрещенных направлений исследований», «негативных версий развития» уже из постчеловеческого будущего. Причем действующего как в мире наших дней — «За миллиард лет до конца света», — так и в мире XXII века, для которого загадочное племя Странников, возможно, есть КОМКОН-3,4,5...

С.Ч.: К мысли о необходимости и оправданности любых мер для обеспечения безопас-

ности приходит не Экселенц — это мысль Стругацких, которую они разъясняют и отстаивают. У Экселенца нет выбора: он обязан предотвратить то, что может оказаться неотвратимой угрозой. Борис Стругацкий подчеркивал, что они не осуждают Экселенца, а понимают его и считают существование таких людей, как он, необходимым.

Б.М.: Мне кажется, подосознание писателя весьма важно, потому что в конце «Обитаемого острова» есть мотив: а что нам жалеть этих людей, готовых принимать диктатуру, тогда как лучшие люди собраны в институте Странника. Та же тема проходит в повести «Трудно быть богом». Интеллигенты — то есть те люди, которых стоит спасать, — отбираются наблюдателями с Земли и вывозятся в лучшие

Кадр из фильма Алексея Германа «Трудно быть богом»

Реакция на фильмы по мотивам Стругацких связана не только с их художественными качествами, но с очевидными политическими аллюзиями. Любопытно, как будет воспринят в этом смысле фильм Алексея Германа? Не исключено, фантастическое арканарское прошлое окажется на шаг ближе к настоящему будущему, ведь по словам режиссера: «“Трудно быть богом” – отчет о том, как я вместе со всеми проживал эти десять лет, как мы сами позвали серых и как они превратились в черных»...

миры. А все остальные – те, которые, по выражению Странника, «всегда были готовы», – могут и посидеть под излучением.

А.Н.: Приговор «целому мировоззрению», воплощенному в цикле о Мире Полдня-1, предполагалось вынести в заключительных строках упоминавшегося ненаписанного романа «Белый ферзь» – книги о пересмотренной версии мира XXII века. О его не столько коммунистической, сколько гностической модели – восстающих из вод истории концентрических кругах Атлантиды или ощерившейся макабрическим флотом Ан-

тарктиде *a la* Швабия-211. Другими словами о Мире Полдня-2, обновленная версия которого оказывается сродни греческому полису: сообществу свободных граждан – философов, поэтов, интеллектуалов, риториков... И – черни. Правда, в мире технического совершенства чернь предана остракизму. Содержание замысла пересказано Борисом Стругацким в самых общих чертах. Фраза же, «*ради которой братья Стругацкие до последнего хотели этот роман все-таки написать*», в устах жителя Солнечного круга, подводящего итог рассказу Тора-Каммерера о его мире,

звучит следующим образом: «*Мир не может быть построен так, как вы мне сейчас рассказали. Такой мир может быть только придуман... – до вас и без вас, – а вы не догадываетесь об этом*».

С.Ч.: Стругацкие вынашивали замысел «Белого ферзя», но так и не написали его – именно потому, что сомневались в нем. Мир Полдня навсегда остался для них столь же привлекательным, как и в 60-е годы, и Борис Стругацкий даже на последнем году жизни был уверен в том, что этот мир наступит.

А.Н.: Что ж, не грех задуматься над вопросом об истинном субъекте сотворения Мира Полдня, его природе, целях. Ирония текста в том, что персонажи Стругацких не ощущают ни уязвимости излагаемых ими позиций, ни ответственности своего мира, но испытывают смутную тревогу, чувствуя присутствие иной силы. Однако не могут ее опознать, что доводит некоторых

фактически до паранойи. Между тем даже ключевое для Стругацких заявление жителя Островной империи о придуманности Мира Полдня может получить различные интерпретации. С точки зрения обыденной логики, это указание на тривиальный статус литературного произведения, то есть на взаимоотношения творца-автора и созданных персонажей. Или более глубокую — обоснованную холизмом и логикой фронесиса с признанием второго дна у писательской фантазии: бессознательных кодов, интегрирующих опыт всей жизни. Фантазии, способной «вспоминать будущее». Последнее прочтение продуктивней, так как придает вскрывшейся искусственности мира XXII века статус аутопоэтической автаркии... Да, подсознание писателя играет свою роль в пьесе, *«если твое дитя слушается тебя, сотри его с лица мира»*. Но теза, высказанная островитянином, может также означать иллюзорность представлений Максима об истинном положении вещей в Мире Полдня. Констатация пределов творимой утопии, ее уязвимость, призрачность, возможность краха раздвигает горизонт ситуации, а отчаяние стимулирует призывание прогрессорства даже при сомнительной натуре внешних факторов. И с какого-то момента в безрелигиозном мире экстравертированного эскапизма «пропасть начинается вглядываться в тебя». Вспомним пастырство Воланда, когда для решения нерешаемых в земной системе координат проблем героям пришлось прибегнуть к помощи потусторонней силы — если не инопланетных, то инобытийных существ: приходящих извне «странников». Эвакуация там, кстати, тоже налично. А повествование схожим образом представляет шараду,

где излагаемый сюжет порою расходится с внутренней логикой текста и со скрытым, отчасти даже от автора, смыслом событий.

Б.М.: Это абсолютно очевидно.

С.Ч.: Персонажи Стругацких не считают свой мир искусственным именно потому, что видят его реальность и его реальные проблемы. Для Стругацких этот мир — достижимая реальность.

А.Н.: Или еще одна аналогия — диалоги Максима со Странником и беседы Фауста с Мефистофелем. Речь идет о той же проблеме оснований. Что ставится во главу угла персональной ситуации и социальной конструкции? Будет ли она возведена на скале или — на песке? В последнем случае основой лукавого благополучия и ложного величия может оказаться вырытая лемурами могила.

Б.М.: Мне кажется, лучший пример — Христос и Великий инквизитор в «Легенде о Великом инквизиторе» Достоевского.

С.Ч.: Но строго говоря, это противопоставление присутствует и в повести «Трудно быть богом», когда Румата упоминает тех, которых он называет *«стайерами с коротким дыханием»*, вспоминая людей, которые, не выдержав, начали действовать. И привели общество к тем или иным трагедиям. Собственно, из этого и вытекает проблема: нужно ли действовать, имеем ли мы право на действие? И сомнения. Странник — это Румата, получивший право на действие, это так. Максим играет роль *«стайера с коротким дыханием»*, но в отличие от других землян он действительно окунулся в новую ситуацию, но не знает, о чем идет речь.

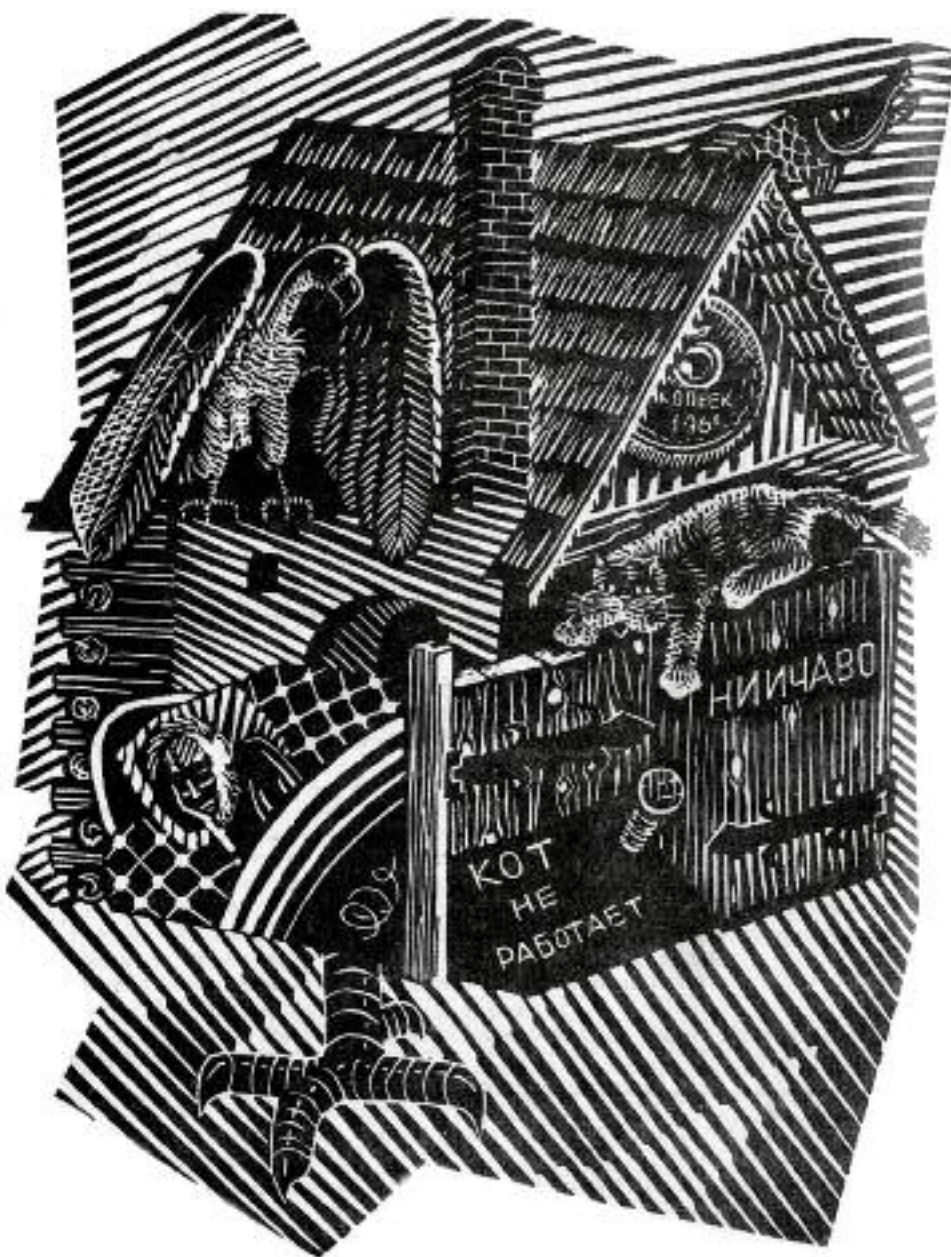
А.Н.: Мак Сим познает ее: это его путешествие, маршрут его испытаний, череда ситуаций и

очарований, инициирующих его развитие. В начале повести Максим Каммерер — загулявший переросток. С литературной точки зрения «Обитаемый остров» — воспитательный роман-путешествие. Главный итог — обретение героем, возможно, в большей степени заслужившим титулование «Странником», самого себя. Сравним коллизию с трансформацией *«козлика Кандида»* в лесной части «Улитки на склоне».

С.Ч.: Да. В отличие от фильма в повести интересно именно то, что Максим каждый раз «восходит» и каждый раз встречается с противоположностью того, к чему стремился. Но, между прочим, я не исключаю, что противоположность заложена и в открытом финале. Потому что есть там ремарка, что после реплик Странника Максим чувствует себя раздавленным, маленьким, несчастным, слабым. Ведь в какой-то момент до него что-то доходит... Позвольте, процитирую: *«Я никогда так не думал, — сказал Максим. Он чувствовал себя очень несчастным, раздавленным, беспомощным, безнадежно глупым. Странник покосился на него и грустно улыбнулся, и тут Максим увидел, что никакой это не дьявол, никакой не Странник, никакое не чудовище, — очень немолодой, очень добрый и очень уязвимый человек, угнетенный сознанием огромной ответственности, измученный своей омерзительной маской холодного убийцы, ужасно огорченный очередной помехой и особенно расстроенный тем, что на этот раз помехой оказался свой же — землянин»*. По сути дела, схватившись за голову, Максим думает о том, *«что же я натворил»*.

А.Н.: Именно это напоминает взаимоотношения Мастера и Воланда или Фауста с Мефистофелем. Когда по-своему совершенная, но сомнитель-

Иллюстрация к повести «Понедельник начинается в субботу»

Стругацкие интересны во многом именно из-за политических и социальных аллюзий, а не фантастикой ради фантастики, «*которую АБС терпеть не могли*». Те же произведения братьев, в которых прогностическая диалектика Мира Полдня отсутствует, уходят в прошлое. И не только, к примеру, проходной «Отель “У погибшего альпиниста”», но и популярнейшая в свое время повесть «Понедельник начинается в субботу». Читатели – диссиденты и не диссиденты – размышляли над предъявленными Стругацкими моделями поведения при конфликте с социальной реальностью и политическим строем.

ная в исходных постулатах интеллектуальная аргументация опровергается лишь сердцем. У Максима – твердым несогласием с политикой Странника, сформулированным в последних строках повести.

Изошренная аргументация способна исказить, закрыть, даже сломать ментальный горизонт индивида, но у личности остается союзник, определяемый как со-весть, сердце, душа. Позвольте тоже кое-что

процитировать: «*Не знаю, – сказал Максим. – Я буду делать то, что мне прикажут знающие люди. Если понадобится, я займусь инфляцией. Если придется, буду топить субмарины... Но свою главную задачу я знаю твердо: пока я жив, здесь никому не удастся построить еще один Центр. Даже с самыми лучшими намерениями*». Экселенц – политик, в значительной мере управляющий ходом событий в Стране Отцов, как минимум, значимо влияющий на них и одновременно пытающийся охватить системой шпионажа и контроля всю планету. И как всякий политик он зажат в тиски дьявольской альтернативы: необходимости выбора между вариантами зла, совершая или санкционируя «*необратимые действия*». Политику сложно различать и разделять подобную функцию – прогрессор Странник – и собственную личность – человек Рудольф, – особенно в критических обстоятельствах. Поэтому давно подмечено, власть – яд, подвергающий личность коррозии. Из дальнейших произведений – например, из «Жука в муравейнике» – известно, в какой мере яд проник в душу Сикорски.

С.Ч.: А вот этот момент, кстати, описан в монологе Колдуна, когда тот говорит Максиму о соотношении совести и разума: «*Охлаждайте свою совесть. Совесть задает идеалы, но разум рассчитывает, как нужно действовать. И поэтому умеете соединить одно с другим*». Кстати, Румата начинает действовать в ситуации, когда действия противной стороны не просто затронули и его, а когда, не начав действовать, он перестал бы быть человеком.

Б.М.: Думаю, мы совершим ошибку, если будем плутать в вечных проблемах, о которых говорит русская литература. Если будем воспринимать

Стругацких просто как фило-софствующих, бесконечно рефлексирующих писателей типа Тургенева, которые ставят нас перед какими-то вечными нерешаемыми проблемами — или, точнее, решаемыми каждый раз заново. Кажется, Стругацкие — довольно монологичные и идеологичные писатели, несмотря на свой открытый финал. У них всегда, особенно у младшего из братьев, имеются конкретные, определенные ответы на те вопросы, которые они ставят в своих книгах. У них есть программа, которую они разделяют. И на мой взгляд, в этом споре Максима и Странника они, конечно, стоят на стороне Странника. Почему? Мы смотрим на действие глазами Максима, мы все время сопереживаем ему, мы в общем вместе с ним хотим разрушить кошмарный режим Отцов. И вдруг бабах — в конце повести нам показывается сложность всей ситуации. Мы вместе с Максимом оказываемся подавленными неоднозначностью ситуации, которая впервые лишь в конце повести в полном объеме предстает вниманию как читателя, так и главного героя. И конечно, если бы у писателей имелось желание показать равнозначность этих фигур, то перед аналогичной неразрешимой проблемой был бы поставлен и Странник. Между тем Странник изначально понимает, что происходит. И его мир остается цельным, а позиции — неколебимыми. Плюс существует Колдун, который в споре Странника и Максима все-таки встает на сторону Странника и показывает Максиму, что он должен одолеть *«нетерпение потревоженной совести»*.

А.Н.: Борис, вот Вы развели Стругацких и русских писателей калибра Тургенева с их «вечными проблемами». Действительно, братья писали

фантастические повести, то есть литературу «на потребу». Не в смысле конъюнктурности по отношению к властям, а в смысле определенной конъюнктурности относительно запросов публики. Пусть и жанровых. Недаром фантастика, равно как и детективная литература, хорошо совместима с кинематографом, видеоиграми и т.п. Все-таки это скорее мыслительный акт, нежели полноценное художественное творение. Поэтому и разгадываем тексты АБС как ребусы. Правда, шарады шарадам рознь. У Стругацких криптография с двойным дном, к тому же дискретна: волнующая проблема не всегда очевидна, а обретенное однажды решение может быть пересмотрено и даже опровергнуто в последующих текстах. Так, кажется, и произошло с торжеством позиции Странника в «Острове», поставленным под сомнение трансформацией Экселенца, обнаруживаемой в других книгах или за их пределами — в авторских комментариях. Я думаю, сила Стругацких в том, что писатели ощущали «движение воздуха», чувствовали атмосферу дня, опознавали болевые точки до того, как те становились очевидными метастазами. XX век оказался инкубатором власти, которая соединила внутренние лабиринты Саракша с парадными фасадами Мира Полдня. В начале дискуссии мы говорили о странной судьбе России — об отношении властей к народу как грязи: бабы, мол, еще нарожают. Эти энергии, отчасти прикрытые социальной демагогией, были уловлены Стругацкими и экстраполированы в иные времена, на другие планеты.

С.Ч.: То, что опасения у них есть, и то, что они, может быть, не столько давали ответы на проблемы, которые возникли позже, но описывали те

проблемы, с которыми мы встретимся, — это безусловно. Я не совсем согласен, что в советском варианте люди становились грязью под ногами у элиты. Вы знаете, в то время я был слесарем на заводе и как-то, ну, совсем не ощущал, что я нечто «под элитой». Но это отдельная тема. В значительной степени я как слесарь ощущал себя несколько свободнее, чем сейчас ощущаю себя при всех регалиях.

А.Н.: Существовая на земле «обитаемого острова», за пределы которого Вы вряд ли могли заглянуть из-за устойчивой рефракции — характерной специфики его горизонта. И это был не *«туманный занавес»* Саракша, но крепко сработанный соотечественниками из подручного материала. Потому, кстати, и «остров», что обитатели были лишены возможности пересекать очерченный не ими рубеж — в личном ли качестве либо путешествуя мыслью по свободно избранным текстам — и таким образом обозревать человеческую вселенную широко открытыми глазами. В границах же «острова» необходимо было соблюдать прокрустов регламент, ведь даже в хрущевские 60-е, когда издавали «Один день Ивана Денисовича», что почиталось знаменательным событием, поэта и будущего лауреата Нобелевской премии осудили на пять лет принудительного труда и ссылки за... тунеядство: *«Время, столкнувшись с памятью, узнает о своем бесправии»*.

С.Ч.: А Вы знаете, потом я работал в Историко-архивном институте и помню, как бежали активисты, уговаривая съездить за границу. И народ говорил: «На фиг мне туда нужно?»

А.Н.: В составе группы под присмотром «странника-пастуха», пройдя — или не пройдя — предварительно идеологический и физический ос-

Кадр из фильма Федора Бондарчука «Обитаемый остров»

Дело не в двусмысленности фигуры прогрессора, дело в трагичности этой фигуры. Борис Стругацкий писал, что прогрессор – это прежде всего человек с обостренным нравственным чувством: он понимает, что шансов решить проблемы отсталого общества и ускорить прогресс почти нет. Но он не может находиться в бездействии, когда видит, что где-то страдают люди, а у него есть силы и возможности для действия. И при этом знает, что действовать в страдающем мире ему придется методами именно этого мира – от которого он хочет этот самый мир избавить.

молч. То есть являясь не столько субъектом, сколько объектом – движимым имуществом Страны Советов. А вообще-то, Сергей, нарисованная Вами картина как раз вписывается в сценографию повести: далеко не все обитатели острова так называемые выродки – девальвация культуры есть изощренное средство истребления нации. Тогда, действительно, «народ и партия едины». Кстати, Стругацкие в качестве эпиграфа к комедии «Жиды города Питера» избрали характерное высказывание Акутагавы: «*Назвать деспота деспотом всегда было опасно. А в наши дни настолько же опасно называть рабов рабами*». Подобный статус

не слишком зависит от лозунгов и эпохи, или, чтобы люди вновь заговорили, время пожелтевших слов все же должно пройти?

С.Ч.: Да не в этом дело. Сейчас складывается новая мифология, согласно которой граждане СССР чувствовали себя угнетенными, задавленными и несвободными. Да не чувствовали они себя такими! И в массе своей были твердо уверены, что живут в самой передовой, самой счастливой стране мира. Кто-то скажет, что это им было внушено. Но стоит ли так уж записывать их в загипнотизированное стадо? Может быть, они сами лучше знали, как живут. Да, модно говорить, что доказа-

тельство их плохой жизни – бунт конца 80-х. Но ведь бунтом был «бунтом сытых» – о котором в «Граде обреченном» Фрица Гейгера предупреждает Кацман. Да, к концу 70-х – середине 80-х люди устали от застойности. Но ждали и хотели они движения вперед. Если на то пошло, в известной терминологии – «*большого соответствия жизни идеалам коммунизма*». Основная претензия, по сути, заключалась не в том, что КПСС «строила коммунизм», а в том, что она его не построила. Да и перестала строить. Это была претензия к тому, что общество застряло между прошлым и будущим. И требование идти в будущее. Общество же развернули в прошлое, куда оно и пошло. И продолжает идти.

Метафизика Стругацких

А.Н.: Фантазии писателей – подчас личная попытка к бегству. Случается – персональная борьба со злом. Или травмирующее желание, затягивающий страх столкнуться с иным, с разноликими «странниками», но уже на своей тер-

ритории, — идея, запавшая в подсознание Стругацких, возможно, со времен замысловатых обысков в квартире Ефремова. По их мнению, люди будущего либо некие иные существа «*живут среди нас*»: мысль, которая не только страшила, но и восхищала братьев. Метафизика у писателей присутствует, однако это не метафизика бессмертия души — скорее, просто бессмертия. Проявляется она в форме апелляции к «*религии разума*» и в ситуациях столкновения с иным. Описывается же в стилистике версии секулярного гуманизма — светско-советской модели мышления: «*Мир, в котором человек не знает ничего нужнее, полезнее и слаще творческого труда*». В общем, «*голый разум плюс неограниченные возможности совершенствования организма*». Правда, с налетом мистицизма и подспудной тягой к эзотеризму. Из чего проистекает магический реализм — усеченная религия производства/потребления чуда как практическая модальность науки. Знание перестает быть средством познания истины, обращаясь в технологию, ориентированную на могущество техническое и социальное: «*знание — сила*», «*познание как власть*», «*педагог как священник*», «*ученый как демиург*» — вот кредо Мира Полдня, характерное также для духов русского космизма, равно как и всего племени энтузиастов человекобожия: «*Человек Всемогущий. Хозяин каждого атома во Вселенной. У природы слишком много законов. Мы их открываем и используем, и все они нам мешают. Закон природы нельзя преступить. Ему можно только следовать. И это очень скучно, если подумать. А вот Человек Всемогущий будет просто отменять законы, которые ему неудобны. Возьмет и отменит*». Именно это совершает астро-

ном Манохин в романе «*Отягощенные злом, или Сорок лет спустя*», договорившись с Демиургом о внесении «*сравнительно небольших изменений в распределение материи в нашей Галактике*» ради того, чтобы его ошибочная теория стала соответствовать реальности. В текстах писателей поражает обилие феноменологии иного, которая осмыслялась не в категориях, характерных для религиозного человека, но с позиций апологетики разума. Иное постулируется Стругацкими как факт, религиозные же аспекты инаковости братья избегали анализировать, полагая, что это материи из другого рестра. Рационализация исходила, однако, не из суммы научных знаний, но из экстраполяции собственной логики, этики и аксиоматики, что вполне естественно для научно-фантастической литературы. Однако прописи якобы постигнутого становятся запутаннее, множатся уводящие в дурную бесконечность этические ребусы, а парадоксы, не находящие разрешения в безрелигиозной Вселенной, случалось, оборачивались кошмарами. Впрочем, «*разговоры на моральные темы всегда очень трудны и неприятны*». При чтении отдельных пассажей чувствуется — кстати, как и в булгаковских творениях — аура inferнальности: «*и сильные придут поклониться*» — еще один камешек в огород «*отягощенных злом*» обитателей миров «по Стругацким». Стоит приглядеться к обилию нечеловеческих персонажей, которых Стругацкие воспроизводят, маскируя, варьируя обличья. Здесь и различного рода инопланетяне, странники, подкидыши, людены, люди-мутанты, голованы, фемины-подруги, мертвяки, мокрецы, клоны, inferналы и т.п. В конце концов, даже вещи имеют у них субъ-

ектный оттенок — «*хищные вещи*». И все эти нечеловеческие субъекты конкурируют с обычными людьми. Ощущима вязкая, затягивающая сила фантазмов в ситуациях вскрытия и освоения зон неопределенности, борьбы за свою версию будущего, причем не только в отодвинутых в дальний космос мирах, но уже и на планете Земля. Братья смотрят на подобную ситуацию с вполне определенным чувством — страхом: «*Я боюсь задач, которые может поставить перед нами кто-то другой*». Они испуганно верили в тайны.

Б.М.: Мне кажется, вопрос о религиозной стороне Стругацких — это интересный вопрос. Но я скажу одну простую вещь. Наверное, для Стругацких, особенно для более поздних их произведений, вообще неприемлема идея консолидации общества, идея муравейника, идея духовного объединения социума вокруг каких-то общезначимых смыслов. Во всем этом видится некий рудимент тоталитаризма. И единственной целью общества по Стругацким, в том числе и Мира Полдня, является создание некоторых более высоких особей наподобие люденов. Эта единственная форма полагания будущего, которая в конечном счете, как они считают, является и формой спасения самого общества. Потому что людены — этот мотив у Стругацких тоже присутствует — являются своего рода защитниками этого общества от выпадения в системную деградацию.

А.Н.: Борис, Вы полагаете, братья действительно считали люденов и им подобных спасителями? Мне казалось, у люденов не было реального интереса к муравейнику — «человекину», вспомним Зиновьева. В соответствии с «*гипотезой Бромберга*», изложенной в заключительной повести цикла — «*Волны гасят ветер*»,

Кадр из фильма Алексея Германа «Трудно быть богом»

Неверно, что у Стругацких все происходит только в атеистических, пострелигиозных обществах. Вспомним Арканар и попробуем процитировать слова Руматы: **«Мы тут думали-гадали, кто такой дон Рэба, что это Такугава, Неккер, Ришелье, а оказался простой проходимец, который запутался, изгадил все что мог и бросился спасаться к Святому Ордену. Теперь они вырежут всех грамотных людей, и наступит тьма»**. То есть вспоминается каре черных монахов на площади и мысль о том, что **«там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные»**.

«человечество будет разделено на неравные части по неизвестному параметру, в результате чего меньшинство навсегда и сильно обгонит большинство, и все это будет сделано нечеловеческим разумом». Для них — новой когорты элиты, «игроков», «игрецов», существ с «другой душой» — характерно скорее равнодушие к роду человеческому: мы ведь тоже не слишком переживаем, наступив на муравейник. *«Наверное, это очень здорово — быть люденном, если ради этого человек готов пожертвовать всем самым важным в жизни — дружбой, любовью и работой»*. И здесь вновь видится пересечение Стругацких с «политологией будущего» — генезисом в Новом мире социального строя, восстанием постсовре-

менной элиты с иной иерархией ценностей — будь то креативный класс, постиндустриальные *homines aeris*, подростки индиго либо анонимные отцы безвременья. Все те, которые уже не нуждаются в толпах, населяющих планету. Кстати, и политика КОМКОНа оказалась в итоге аналогичной по своей сути действиям гвардии на Саракше: она также направлена на преследование иных, то есть своей — домашней — версии выродков. Именно Рудольф Сикорски убивает подкидыша Льва Абалкина: *«В них стреляли, они умирали»*. Заметная дистанция была пройдена писателями от оптимистичных эскизов Мира Полдня.

Б.М.: Естественно, Сикорски осуждается писателями за пре-

следование и убийство Абалкина. Это воспринимается как абсолютно неправильная реакция. Их протагонистом является Горбовский. Человек, который как бы отпускает люденнов на свободу. Он доживает последние уже дни до того — столь важного для него — момента, когда узнает, что земное общество породило сверхлюдей, которые могут влиться в сообщество Странников. Странники — космическое братство, а люденны — именно те представители Земли, которые в это космическое братство входят. И вот когда он узнает об этом, Вы помните, на какой-то момент это продлевает ему жизнь. И так далее. Вот, собственно говоря, правильный тип, согласно Стругацким — не согласно мне, правильный тип поведения земного человека по отношению к будущему, принятию этого будущего.

С.Ч.: Прежде всего: Стругацкие никогда не осуждали Сикорски за убийство Абалкина, хотя считали его абсолютно неопасным. Они сознательно рисовали ситуацию, в которой, как знают авторы, Абалкин не робот Странников. Но это знают они, а не читатели и

не Сикорски. И поскольку Сикорски имеет все основания предполагать, что перед ним робот другой цивилизации, и последствия включения неизвестной программы неизвестны, он до конца пытается разобраться в ситуации. Но когда возникает опасность, что программа все же сработает, он уничтожает опасность. Просто потому что обязан это сделать, это его моральный долг перед людьми. Борис Стругацкий пишет, что они обрисовывали трагичность этой ситуации, но иначе Сикорски поступить не имел права, хотя понимал, что потом его за это осудят. Что же касается Горбовского, который в «Волнах» отпускает люденев на свободу, тут тоже не все однозначно. Мир, описанный в книге — кстати, середина 80-х по времени написания, — нами не до конца понят. Это мир, пришедший к тупику, после того как ради осуществления права на существование некоего меньшинства этому праву подчинили интересы большинства. Горбовский — кстати, почему именно в это время и почему именно Горбовский? — интересы люденев поставил выше интересов людей — и в результате находившийся к этому времени в расцвете мир людей идет к гибели. Наконец, какова судьба люденев? Судя по тому, что можно наблюдать по коротким описаниям Стругацких, возможно, сами они считают, что оказались на свободе. Но не меньше оснований увидеть в этих картинах то, что они находятся не то в некоем пространственном плену, в котором утратили волю и интерес к жизни, не то в наркотическом дурмане, очень напоминающем состояние, которое достигали герои «Хищных вещей века» с помощью электронного опьянения. Отпустил их Горбовский «на свободу» или просто понял, что это

не новая раса, а обреченная тупиковая ветвь, и на новом «философском пароходе» отправил в «лепрозорий», закрыв дорогу туда даже КОМКОНу? Не является ли тупик «Мира волн» результатом того, что общество не решилось поступить с люденами так, как Сикорски поступил с Абалкиным? Ну, конечно, там есть борьба, борьба между разными душами и внутри одной души. Кстати, выскажусь и по поводу предыдущего вопроса. Неверно, что у Стругацких все происходит только в атеистических, пострелигиозных обществах. Вспомним Арканар и попробуем процитировать слова Руматы: *«Мы тут думали-гадали, кто такой дон Рэба, что это Такугава, Неккер, Ришелье, а оказался простой проходимец, который запутался, изгадил все что мог и бросился спасаться к Святому Ордену. Теперь они вырежут всех грамотных людей, и наступит тьма»*. То есть вспоминается каре черных монахов на площади и мысль о том, что *«там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные»*.

Б.М.: Думаю, главное здесь — взаимоотношения человека и будущего. И Стругацкие не просто ставят общие вопросы о том, как человеку следует относиться к будущему, а ясно описывают феноменологию ситуации рубежа 60–70-х годов, когда тема будущего потеряла ту однозначность, которую она имела, как мне кажется, со времен просветителей XVII–XVIII веков, ну, скажем, до утопистов 60-х годов. Оказалось, что это будущее — будущее, о котором мечтали Фрэнсис Бэкон и его многочисленные последователи, — уже невозможно. Возможно какое-то другое, но вот это невозможно. Стругацкие это понимают, они ни в коем случае не хотят вернуться к Средневековью, но при этом со-

знают, что стратегии и действия просвещенных людей в данной ситуации будут отличаться от стратегий и действий, которые предпринимали их отцы и деды.

А.Н.: Я бы сказал, Борис, что у Стругацких наряду с нарастанием социального пессимизма проявился удивительный дар предугадывания будущих ситуаций. Другими словами фантастика писателей со временем обернулась прогнозикой.

С.Ч.: Друзья, должен сказать, что получил огромное удовольствие от беседы. И старался ограничиваться относительно сжатыми комментариями, просто получил большой материал для осмысления. Так случилось, что последние месяцы мне пришлось много соприкасаться с этой темой и с документами по ней. Если бы я начал все их пересказывать — лишился бы возможности услышать вашу точку зрения, учесть ее. В общем, благодарен за то, что подтолкнули, теперь я смогу попытаться отдельно и целостно изложить то видение проблемы, которое сложилось у меня — в том числе с учетом ваших подходов. Можно ведь предположить, что и «Обитаемый остров», и «Трудно быть богом» — это еще и не про сегодняшнюю Россию, но про то, что надвигается. Про то, что может происходить, если в истории двигаться не вперед, а в сторону, вбок, по кругу. И здесь я соглашаюсь с Борисом. Главная проблема, которую ставят Стругацкие: у человека есть выбор — либо в Мир Полдня, либо в Град Обреченный. Сегодня мы пока в Граде Обреченном.

А.Н.: Думаю, выход на российский экран картины Алексея Германа многих — не только присутствующих — подвигнет к обсуждению как фильма, так и загадок творчества прозорливых братьев.